

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

МОДИФИКАЦИЯ СТРУКТУРЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМА: ВВОД ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В СОСТАВ ИДИОМЫ

© 2009 г. П. С. Дронов

В статье рассмотрена одна из особенностей такого вида вариативности фразеологических единиц, как ввод в состав идиомы адъективного компонента. Описываются принципы деления модификаций идиом на стандартные и нестандартные, механизмы узуализации нестандартных вариантов (на материале русских корпусов текстов).

Based on Russian corpora of texts the article deals with one of the peculiarities of such a type of idiom variation as the insertion of an adjectival component. Principles of defining standard and non-standard (creative) modifications as well as mechanisms of usualization of creative idiom variants.

Вариативность фразеологических единиц и, в частности, идиом, исследовалась в течение долгого времени [1–6]. Выделение различных видов варьирования основано на принадлежности идиом к тому или иному уровню языковой структуры. Соответственно, выделяются *морфологические* (изменение числа или падежа именного компонента, вида глагольного компонента), *лексические* (изменение компонентного состава идиомы, такие как эллипсис; лексические субституции – см., напр. [1, 3]) и *синтаксические* (пассивизация, декаузация, топиализация, инверсия, парцелляция – [7, 8]) модификации идиомы. Также исследовались варианты идиом, находящиеся на стыках трех основных видов – *морфолексические* (напр., замена именного компонента его диминутивной формой, добавление к глагольному компоненту возвратного суффикса *-ся* [1]) и *лексико-синтаксические* (ввод в структуру идиомы определения, выраженного прилагательным или причастием – см., напр. [9, 10]).

Тем более странным на фоне многочисленных исследований представляется тот факт, что до сих пор наука не дала четкого ответа на вопрос, с чем связана нерегулярность идиоматики в различных видах варьирования и почему в одном случае та или иная модификация структуры идиомы возможна и воспринимается как узуальная или близкая к узуальной, а в другом – если и допустима вообще, то только как нестандартная, игровая реализация данной идиомы. Нерегулярность проявляется в довольно причудливых ограничениях, которые в отдельных идиомах налагаются на реализацию грамматических категорий. Примером таких ограничений в синтаксисе является невозможность пассивизации ряда идиом – ср. рус.

сверлить взглядом (кого-л.), вогнать в гроб (кого-л.), англ. *to kick the bucket*. В морфологии также легко обнаруживаются нерегулярности – так, далеко не все идиомы допускают варьирование по числу именных компонентов (ср. варианты *не будь дурак – не будь дураки* при невозможности *семи пядей во лбу – *семи пядей во лбах*) [11].

Подобные нерегулярности обнаруживаются и в лексико-синтаксическом варьировании идиом – напр., при вводе в состав идиомы адъективного компонента. Эти модификации исследовались, напр. в работах [9, 12–19].

В структуру идиомы могут быть введены прилагательные, их сочетания с кванторными словами и дейктическими элементами, причастия (в том числе, с зависимыми словами), придаточные предложения, предложные группы или существительные в атрибутивной функции (ср. в Британском национальном корпусе: [...] *if they come as close as Jed to upsetting the championship applecart* [K5A: 702; BNC] ‘...если они окажутся так же близки к тому, чтобы расстроить все планы чемпионата, как Джек’, где *close to upsetting the championship applecart* дословно означает ‘близок к переворачиванию тележки с яблоками чемпионата’, от *to upset the applecart* ‘спутать все карты, расстроить планы’) [16, с. 199]. Один из интересных видов лексико-синтаксических модификаций идиом – сочетание лексической субституции и ввода в структуру идиомы определения, выраженного частью сложного слова – описан в [20]. Примером последнего вида вариативности является замена в немецкой идиоме *ihm geht ein Licht auf* ‘его осенило, ему стало ясно, (букв.: “перед его глазами зажегся свет”)’ существительного *Licht* ‘свет’ существительным *Blitzlicht* ‘свет

молнии': ...vielleicht geht euch noch kurzfristig ein Blitzlicht auf, wie ihr mich am besten durch die Prüfung bringt [Eulenspiegel. N 27. 1964] 'возможно, пройдет еще немного времени, и вы вдруг поймете, как меня вытянуть на экзамене'. Данную модификацию можно отнести как к лексическим, так и к лексико-синтаксическим модификациям. Очевидно, что такой вид модификаций продуктивен в германских языках, равно как и в других языках с развитой системой сложения основ.

Мы укажем на существующие критерии разделения подобных вариантов идиом на узуальные и окказиональные и попытаемся осветить один из аспектов поведения лексико-синтаксических модификаций в узусе. Наша цель – представить материал, который выходит за рамки этих критериев, т.к. в ряде случаев модификации идиом нарушают речевой стандарт, но являются вполне узуальными.

Ввод прилагательного в структуру идиомы может быть адвербиальным (т.е. возможна замена прилагательного на наречие или на предложную группу в роли обстоятельства) и атрибутивным (возможен парафраз в виде генитив-атрибута или предложной группы с соответствующим значением; см. также [12, 13]). Модификации по своему характеру делятся на стандартные, т.е. узуальные, и нестандартные (отклонения от узуса, окказиональные модификации). В работах на английском языке приняты термины *internal* и *external* соответственно. Т. Эрнст [21] также говорит о *coordinate modifications*, т.е. равнозначных модификациях, вступающих в реакцию одновременно и с актуальным, и с дословным значениями идиомы. Примером такой модификации является английское выражение "We were pulling his cross-gartered leg", где *to pull sb.'s leg* означает 'морочить голову', а *cross-gartered* – 'подвязанный крест-накрест'. Прилагательное несовместимо с актуальным значением, но взаимодействует с образом, лежащим в основе идиомы: *cross-gartered* одновременно обозначает деталь костюма XVI–XVII вв. и указывает на нелепое одеяние из пьесы Шекспира "Двенадцатая ночь": "Мальволио: <...> Я буду загадочен, груб, в желтых чулках, спозаранку подвязан крест-накрест" (пер. Э.Л. Линецкой). Это позволяет перевести предложение приблизительно как "Мы морочили ему глупую старомодную голову". В данном случае модификация явно игровая.

Нестандартные игровые употребления фокусируют сам способ языкового выражения мысли и, тем самым, реализуют "поэтическую функцию" языка (по Р.О. Якобсону) [12, с. 19]. Необходимо иметь в виду, что в нестандартных контекстах

могут использоваться практически любые модификации идиомы, без каких-либо правил и ограничений. Основная сложность состоит в том, что между стандартными или нестандартными преобразованиями идиомы трудно провести грань на основе четких и проверяемых критериев [12, с. 19–20; 22, с. 68]. К узуальным или близким к узуальным употреблением можно отнести лишь те контексты, которые не содержат однозначных нарушений литературной нормы и не являются явно игровыми. Примером языковой игры может служить следующий контекст (цит. по: [12, с. 25–26]): «Последним громким хитом "Магазина на диване" была большая задница во весь телевизор, которая обхватывается каким-то поясом на электроприводе, начинающем при включении мелко-мелко вибрировать, отчего и ягодицы американской модели столь же мелко и столь же быстро *ходят отъявленным ходуном*, напоминая одновременно тесто, стюденъ на вилке похмеляющегося первого января деятеля российского шоу-бизнеса и живой мозг солярис из одноименной фильма режиссера Тарковского» [Вяч. Курицын. Бусины яички]. Среди нестандартных модификаций могут быть выделены "удачные", т.е. оправданные условиями или особенностями ситуации, и "неудачные" [12, 14, 15]. Отдельно следует отметить окказиональные модификации идиомы, обусловленные контекстом. Такие модификации не изменяют актуального значения идиомы, но указывают на тему высказывания, выступают в роли связующего звена между значением и контекстом, содержательно привязывают идиому к тематической области, обсуждаемой в контексте (см., напр., [12; 16, Section VII]).

Нельзя заранее определить "удачность" модификации, т.к. одна и та же модификация в разных коммуникативных стратегиях, в разных контекстах и в восприятии разных носителей языка (с позиции говорящего и слушающего) может являться и "удачной", и "неудачной". Вариант идиомы можно интерпретировать как языковую игру, если он отражает сознательное стремление добиться каких-л. особых перлокутивных эффектов. Разумно предположить, что носители языка обладают определенной интуицией относительно того, в каких случаях имеют место узуальная или близкая к узуальной модификация, а в каких – значительные отступления от стандарта. Разумеется, между оценками разных носителей языка могут быть большие расхождения; тем не менее, отдельные субъективные суждения о стандартности или нестандартности модификаций идиом обнаруживают значительные совпадения. Правда, некоторые исследователи вообще не делят

модификации на стандартные и нестандартные (см. [23]).

Поскольку одни и те же прилагательные могут образовывать и узуальные, и окказиональные модификации идиом, следует предположить, что узуальным будет ввод строго определенных видов прилагательных в строго определенные виды идиом. По мнению Д.О. Добровольского [12, 13], узуальными могут считаться модификации, в которых соблюдаются следующие условия:

1) **условие семантической членимости:** чем большей семантической автономностью обладает именная группа в составе идиомы, тем более осмысленной и узуально приемлемой представляется данная модификация;

2) **условие семантического согласования:** вводимое в структуру идиомы прилагательное не должно вступать в семантическое противоречие ни с ее актуальным значением, ни с образной составляющей.

В основе параметра членимости лежит соотношение между структурой плана выражения идиомы и структурой ее плана содержания. Модифицируемая идиома не имеет уникальных компонентов, значение которых невозможно восстановить из контекста или на основе его формы. К примеру, хотя идиомы *без оглядки*, *без оглядки на что-л.*, *с оглядкой*, *с оглядкой на что-л.* содержат уникальный компонент, его значение может быть легко восстановлено; как следствие, идиома семантически членима, что подтверждается наличием вполне узуальных модификаций наподобие *без постоянной оглядки* и самостоятельного употребления слова *оглядка* в узуе¹:

Оба поэта, и Заболоцкий, и Мандельштам, осмысливая XX век, не могли обойтись *без постоянной оглядки* на античные времена, когда рождалось понятие высокой трагедии [Станислав Куняев. Крупнозернистая жизнь // “Наш современник”, 2004.03.15].

Решающая норма для поведения и устойчивого состояния церковного общества – *оглядка* на слабого, уважение к совести другого, к совести общины [Церковь Христова в посланиях святого апостола Павла // “Журнал Московской патриархии”, 2003].

Предположительно, для соблюдения условия семантического согласования прилагательное должно обладать расплывчатым смыслом и играть роль интенсификатора значения (Magn, по

¹ Следующие два примера взяты из Национального корпуса русского языка.

теории лексических функций – см. напр. [24, с. 45]). Ситуации, в которых лексико-синтаксическая модификация заставляет осмысливать идиому одновременно и в актуальном, и в дословном значении, получила во фразеологической литературе название “двойной актуализации” (см., напр. [12, 21]). Очевидно, что при этом модификация не удовлетворяет условию семантического согласования.

Как уже упоминалось выше, особый интерес для нас представляет сама возможность исключений из данного правила: появление в речевом узуе модификаций нестандартных, т.е. не удовлетворяющих предложенным условиям.

В связи с этим, рассмотрим модификации русских идиом *ставить/поставить крест* и *наводить/навести гләнец*. Примеры взяты из Корпуса русских публицистических текстов, разработанного в Отделе экспериментальной лексикографии Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (примеры сопровождаются пометой КорпусПубл) и словаря “Фразеологизмы в русской речи” А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко [25] (примеры сопровождаются пометой [ФРР]) и Национального корпуса русского языка (<http://www.ruscorpora.ru>; примеры пометами не сопровождаются). Определения идиом взяты из [25] и [26].

Ставить/поставить крест (на чем-л./на ком-л.; прост. на что-л.; также над чем-л., на кого-л.) разг. экспрес. – 1) разуверившись в возможности успеха в начатом деле, предприятии, решительно отказаться от их продолжения; 2) потеряв надежду исправить, убедить, привлечь и т.п. кого-либо, или, посчитав кого-либо неспособным на что-либо, непригодным к чему-либо, совсем отказаться от него [26]. По [25], идиома ведет свое происхождение из жаргона чиновников, и в ее основе лежит образ перечеркивания крест-накрест. Идиома семантически членима. В источниках, перечисленных выше, было найдено 54 случая контекстов. Наиболее часто – в 43 случаях – встречается модификация *поставить жирный крест*. Приведем ряд примеров:

(1) Вряд ли повреждение серьезно, однако расстроенный бесконечной чередой неудач россиянин после всего случившегося может взять и *поставить* на этом сезоне *жирный крест* [Роман Средиземский. Основной инстинкт. Анна Курникова провела свой первый официальный матч за последние полгода // “Известия”, 2001.07.31].

(2) Какие подработки в системе МВД разрешить, а на каких *поставить жирный крест*? [Роман Шлейнов. На ковер или под сукно? // “Новая газета”, 2003.01.02].

(3) Смириться с таким положением – значит *поставить жирный крест* на перспективах возрождения России как правового, демократического государства [Анатолий Кучерена. Бал беззакония (2000)].

(4) Гонку ядерного вооружения уже не остановить, а США могут *ставить* на своем Рах Америкапо *жирный крест* [Светлана Лурье. Не создавай чудовищ // “Спецназ России”, 2003.08.15].

Модификации в контекстах (1–4) не удовлетворяют условию семантического согласования, т.к. прилагательное *жирный* противоречит актуальному значению идиомы (нельзя “жирно решительно отказаться от продолжения начатого дела”). При этом оно достаточно хорошо сочетается с дословным значением идиомы (“жирно перечеркнуть крест-накрест”). Модификация окказиональна, но при этом употребляется значительно чаще остальных, т.е. вошла в языковой узус. Более того, *поставить жирный крест* воспринимается как вариант с усиленным значением. По-видимому, это связано с тем, что это нестандартное и запоминающееся употребление идиомы начало распространяться среди носителей языка и постепенно становилось все более узуальным. Назовем подобные модификации *узуализованными*. В ряде контекстов в состав идиомы вводятся два и более прилагательных. Приведем примеры, в которых *жирный* сопровождается одним или несколькими прилагательными.

(5) Если кто-то / и население страны / и бизнесмены / пусть не такие крупные / как те / которых мы сегодня обсуждали / а именно средний / малый бизнес / если они все почувствуют / что это система / все / да... и на амбиционных планах удвоения ВВП к 10-му году / и вообще на росте ВВП хоть каком-то / можно будет *ставить большой и жирный крест* [Беседа А. Вольского и С. Генералова в эфире радиостанции “Эхо Москвы”, Москва (2003–2004)].

(6) Что же касается людей, спешащих раз и навсегда *поставить* на дирижаблях *большой, жирный крест*, то я глубоко убежден в их неправоте [Э. Кренкель. Мои позывные RAEM; ФРР].

(7) Теперь уже, конечно, трудно сказать, до чего бы еще додумались старорежимные московские мороженщики, не грядь Великая Октябрьская социалистическая революция. Сразу после нее на шатобрианах с вишней и глянсе с ананасами был поставлен *жирный рабоче-крестьянский крест* [Игорь Лепин. Ода мороженому рабочих и крестьян // “Столица”, 1997.09.02].

(8) ...Прокуратор понял, что проиграл: дальнейшая борьба за Иисуса потеряла смысл. Можно было, конечно, просто помиловать галилеянина, *поставив* на нем как на фигуре *политической жирный андреевский крест*, но это как раз было бы чистой капитуляцией. А вот из смерти популярного пророка еще можно было попытаться извлечь некоторую пользу (ибо польза в данном случае – всё, что во вред Синедриону) [К. Еськов. Евангелие от Афрания // <http://fan.lib.ru/e/eskov/afranius>].

(9) Они навсегда останутся вассалами бандитов и заложниками чиновников, и на американской мечте в России можно будет *ставить черный жирный крест*: никто не слышал, чтобы в Америке чистильщик сапог платил отступного РУОПу и рэкету. Замена запутанной даже для опытных аудиторов отчетности системой патентов (кстати, такой порядок уже разработан Минэкономки) безоговорочно улучшила бы Кодекс. Разумеется, система должна быть такова, чтобы на следующий день, после ее принятия в числе держателей патентов не оказались АвтоВАЗ или Сургутнефтегаз [Известия; КорпусПубл].

Прилагательное *большой* (5, 6) удовлетворяет условию семантического согласования и выступает в качестве интенсификатора. По критериям, приведенным выше, ввод данного прилагательного в структуру идиомы будет являться узуальной модификацией. Заметим, однако, что прилагательное *большой* встречается в контекстах только в сочетании с прилагательным *жирный*. Фактически, оно интенсифицирует значение видоизмененной идиомы *поставить жирный крест*. Это, равно как и частотность употребления *поставить жирный крест*, свидетельствует о том, что изначально окказиональная модификация достаточно давно вошла в речевой узус. В (7) прилагательное *рабоче-крестьянский*, противоречащее образной составляющей идиомы, однако вполне совместимо с актуальным ее значением (допустимо толкование “по-рабоче-крестьянски отказались от дальнейших экспериментов с различными видами мороженого”) и является одной из отсылок к контексту. Прилагательное *андреевский* (8) несовместимо с актуальным значением: в данном контексте нельзя “по-андреевски отказаться от продолжения начатого дела”. *Андреевский крест* представляет собой двойную актуализацию, поскольку идиома может быть осмыслена одновременно в актуальном значении и на основе образной составляющей (сходство Андреевского креста с перечеркиванием). Сходным образом, *черный жирный крест* (9) не воспринимается как узуальная модификация. Прилагательное *черный* согласуется с образной составляющей идиомы (перечеркивание чего-л.

черными линиями), но противоречит актуальному значению идиомы, т.к. невозможно сказать “по-черному отказаться от продолжения какого-л. дела”. Как следствие, модификация окказиональна. В (9) также содержится элемент языковой игры, связанный с дополнительными переносными значениями прилагательного *черный* (на основе ассоциации черного цвета с горем, несчастьем). Сочетание двух прилагательных, не удовлетворяющих условию семантического согласования, позволяет говорить о явно окказиональной модификации с игровым эффектом.

Второе место по частоте употребления (6 случаев) после модификации *поставить жирный крест* занимает *поставить окончательный крест*. Приведем несколько примеров.

(10) Что за плешивый? – как бы не понимая, наигранно удивился Филин. – Не знаю никакого плешивого! – Этими словами он, несомненно, ставил *окончательный крест* на Долгане [Геннадий Прашкевич, Александр Богдан. Человек “Ч” (2001)].

(11) В эти же дни был одобрен в первом чтении Земельный кодекс, который, если будет принят в предлагаемом виде, *поставит окончательный крест* на всякой мысли о какой бы то ни было приватизации земли. Именно с вопроса о том, насколько одновременное и разнонаправленное движение в двух ветвях власти случайно, и начался наш разговор с Сергеем Беляевым. “Согласись, что перерезать может только тот, кто подвесил”. Сергей Беляев: “Ничего случайного в этом нет” [Приватизация и немного политики // “Эксперт”, 1995].

(12) ...Ведь кто ушел, избежав расплаты, на том *окончательный крест*, у того уже не было души, чтобы карать, того уже просто не бывало на этой Земле. А этот Е., может, уже по облачку под ручку с Антон Палычем беседует, и Антон Палыч, так, журит его слегка. ...Нет, от влияния Достоевского тоже никак не отказаться. А от Набокова мне и не хочется отказываться. Но, с учетом всего выше и ниже сказанного, как раз и придется: имя я услышал впервые году в 60-м, а прочитал – в декабре 70-го [Андрей Битов. Я виноват... (1976)].

Модификации (10) и (11) адвербиальны и могут быть парафразированы как “окончательно поставить крест”². Прилагательное совместимо с акту-

альным значением, но вступает в семантическое противоречие с дословным значением: крест как пересечение линий не может быть “окончательным”. Как следствие, вариант идиомы *поставить окончательный крест* невозможен в рамках речевого узуса. В контексте (12) идиома была подвергнута дальнейшим лексико-синтаксическим и синтаксическим трансформациям (пассивизация, эллипсис). Контекст воспринимается как более игровой именно за счет последующих модификаций идиомы. Также она может быть по-разному осмыслена, потому что словосочетание *на ком-либо крест* может быть понято и как “кто-либо несет крест”.

Д.О. Добровольский приводит интересный пример сочетания прилагательных *окончательный* и *жирный* в одном контексте:

(13) *Окончательный жирный крест* был поставлен после того, как в клубе случился пожар: сгорело несколько эллингов вместе со всем снаряжением <...> [Публицистика Интернета].

Пример (13) содержит явные отклонения от стандарта. Прилагательные *окончательный* и *жирный* образуют окказиональные модификации и по отдельности (правда, *жирный крест* в меньшей степени воспринимается как отклонение от стандарта). Идиома также была подвергнута следующим синтаксическим трансформациям: пассивизации, изменению порядка слов и вынесение компонента в тему высказывания. Элемент языковой игры связан не с вводом прилагательных в структуру идиомы, но с последней из перечисленных синтаксических трансформаций [7, с. 5]. Что касается самого сочетания прилагательного, образующего узуальную модификацию (*большой крест*), с прилагательным, образующим узуализованную (*жирный крест*), то оно не воспринимается как отклонение от стандарта, хотя эти прилагательные по-разному отвечают условиям членности и согласования.

Была зафиксирована одна модификация идиомы, связанная с материализацией и переосмыслением метафоры – *поставить большой православный крест*:

(14) Если рассуждать на таком уровне, то на всей собственности России за рубежом, поскольку “взять” ее можно только комплексно, надо *поставить большой православный крест* [Л. Никитинский. Московские новости; КорпусПубл].

Прилагательное *большой*, так же как и в случае с модификацией *поставить большой жирный крест*, выступает в роли интенсификатора. Ввод в структуру идиомы прилагательного *православный*

² Ср. также пример из Национального корпуса русского языка: М.М. Поморцева и вынужденная эмиграция в 1917 г. его продолжателя предпринимателя Д.П. Рябушинского во Францию *окончательно поставили крест* на данном проекте [Алексей Лашков. Ракетами по аэропланам и дирижаблям // “Воздушно-космическая оборона”, 2003].

воспринимается как явная языковая игра, хотя логично предположить, что некоторая часть носителей русского языка воспринимает образ *поставить крест* не столько как перечеркивание (выше была упомянута версия происхождения идиомы из жаргона чиновников), сколько как установку креста на могиле. Такая трактовка дословного значения идиомы вступает в противоречие с ее актуальным значением, и, следовательно, в данном контексте мы имеем дело с окказиональной модификацией.

Несколько иначе обстоит дело с идиомой *наводить глянец*.

Наводить/навести глянец (на кого-л./что-л.) неодобр. – представлять что-л. в наиболее привлекательном виде [25]. Идиома семантически членима.

Обнаружено 18 контекстов, из которых большинство составляют примеры ввода в структуру идиомы прилагательного *хрестоматийный*:

(15) Попадая в мирную и довольно затхлую атмосферу хрестоматий, теряет свой пафос даже Маяковский. Недаром он так боялся хрестоматий и писал с негодованием: “*навели хрестоматийный глянец*” [С. Маршак. Высокой страсти не имея...; ФРР].

(16) В рабочем клубе вечер был, о Маяковском – к юбилею. – Докладчик, желтый от елса, Слова привычные бубнил – – – Мы наскоро его прочли Тому, кто сам в него не глянет, И на его поэмы *глянец хрестоматийный навели* [Л. Ошанин. О Маяковском; ФРР].

(17) У литературных воспоминаний есть свойство приукрашивать человека, сглаживать шероховатости характера, “*наводит хрестоматийный глянец*” [М. Алигер. Нас сдружила поэзия; ФРР].

(18) Они нашли решение и, засучив рукава, принялись независимо от формальных видов варьирования *наводит тот самый “хрестоматийный глянец”*, который всегда был глубоко чужд и решительно противопоказан поэту революции [М. Алигер. Маяковский возвращается; ФРР].

(19) “А он, как и было договорено, внесет законопроект в Думу. Хорошо было бы месяца за два все закончить. Необходимые договоренности с Федеральным Собранием тоже имеются”. Не дожидаясь министра Лесина, к постатейному обсуждению законопроекта первым приступил Олег Попцов. Приступил так вдумчиво и вездельно, что журналисты засомневались: а успеют ли сегодня “пройтись бархоткой” и *навести хресто-*

матийный глянец на всех 65 статьях? “Я обнаружил в законопроекте противоречие между свободой слова и свободой обладания собственностью, – начал Попцов. – Мы должны получить собственника себе в союзники. Это нормально” [Рустем Фаляхов. Индустриальный комитет передает Путину свой вариант закона о СМИ // “Газета”, 2003].

Модификация *наводит хрестоматийный глянец* изначально была окказиональна. Впервые употреблена в стихотворении В.В. Маяковского “Юбилейное” (1924 г.), посвященном 125-летию со дня рождения А.С. Пушкина: “Я люблю вас, / но живого, / а не мумию. / Навели / хрестоматийный глянец. / Вы, / по-моему, / при жизни / – думаю – / тоже бушевали. / Африканец!”

Прилагательное *хрестоматийный* противоречит дословному значению идиомы (глянец не может быть хрестоматийным), однако соответствует актуальному значению – представлять что-л. в привлекательном, “хрестоматийном” (т.е. клишированном) виде. Интересно, что значительная часть современных употреблений модификации содержит прямую или косвенную (в виде кавычек) отсылку к стихотворению Маяковского или к нему как личности. В данном случае узуализуется не столько модификация, сколько цитата из Маяковского. Это, собственно, и объясняет употребление “*хрестоматийный глянец*” в кавычках. В ряде словарей, напр. [25], даются определения этому и схожим вариантам идиомы (*снимать хрестоматийный глянец, покрыться хрестоматийным глянцем*). В корпусах текстов было обнаружено четыре контекста с подобными употреблениями. Приведем несколько примеров:

(20) Когда Цветаева писала о Пушкине, она твердой рукой *стирала* с него “*хрестоматийный глянец*” [В. Орлов. Сильная вещь – поэзия. Предисловие в кн.: Цветаева. Мой Пушкин; ФРР].

(21) Экскурс в прошлое американского континента – *снимает хрестоматийный глянец* с рекламированной истории Америки, – – – позволяет нам зримо увидеть, какими жертвами добыта эта хваленая “свобода” американского благоденствия и процветания [В. Шепелев. Время стыковки; ФРР].

(22) Возникла очевидная необходимость вернуться к настоящему Пушкину, к его гению, к существу его дела, к его исторической миссии, *сняв с величайшего русского поэта густо облепивший его “хрестоматийный глянец”* и разрушив загромождавшие его со всех сторон историко-бытовые декорации [В. Орлов. Сильная вещь – поэзия. Предисловие в кн.: Цветаева. Мой Пушкин; ФРР].

Заметим, что компонент *глянец* воспринимается метафорически (приукрашивание действительно-сти), отдельно от всей идиомы. Выделяется контекст (22), в котором прилагательное *хрестоматийный* сочетается с причастным оборотом *густо облепивший*. Данный причастный оборот несовместим с дословным значением идиомы: глянец не может облепить, хотя полировка может быть нанесена на поверхность в несколько слоев, т.е. “густо”. По-видимому, сочетание двух или более прилагательных (или, как в данном примере, прилагательного, причастия и наречия), из которых одно образует окказиональную модификацию, а другое – хотя и нестандартную, но вошедшую в узус, в совокупности воспринимается как окказиональная модификация.

Модифицированная именная группа идиомы часто употребляется отдельно:

(23) Великие фигуры вроде Петра, успешные и энергичные, *теряют весь свой хрестоматийный глянец* и стушеваются, а героями видятся люди, которые укрепляли совсем другие устои, не государственные. Существенно иным видится и народ, священная корова нашей историографии, который историки всегда считали правым и справедливым до такой степени, что договаривались до оправдания и возвеличения восстаний Разина и Пугачева, разбойничьей казацкой вольницы [Аксенов Геннадий. История упущенных возможностей (о книге А.В. Облонского “Человек и власть: перекрестки российской истории”) // “Отечественные записки”, 2003].

(24) Если и есть что бесспорное в последних спектаклях Плисецкой на сцене Большого, то это их спорность. Одним они могут нравиться, другим – нет. Как все живое, еще не *застывшее в хрестоматийном глянце*. Иных они эпатируют – так бывает, когда искусство делает шаг в сторону нового. Так эпатирует танец-монолог Нины Заречной в “Чайке”, так эпатировала сама “Чайка” Чехова в свое время – и все же завоевала мир. Потом будет еще много балетов с ее участием, поставленных во Франции, Бельгии, Испании, Аргентине, Америке, но мы, ее соотечественники, увидим их лишь во время ее гастролей в Москве – и то далеко не все. Так уж сложилась ее судьба и наша судьба – ее зрителей [Катанян Василий. Прикосновение к идолам (1998)].

В (23) компонент *наводит* заменен глаголом *терять*, и подобная лексическая модификация влечет за собой изменение значения идиомы. Д.О. Добровольский [12] указывает на то, что при вводе в состав идиомы дейктического слова условие семантической членимости оказывается

значимым, а семантическое согласование оказывается, по очевидным причинам, несущественным. Если в состав идиомы вводится кванторное слово, то модифицируемая именная группа должна, естественно, обладать значением, в принципе поддающимся квантификации, и в этом смысле здесь также можно говорить о действии обоих критериев. Здесь сочетание кванторного и дейктического элементов (местоимения *весь* и *свой*), по отдельности образующих узуальные варианты идиом, не влияет на характер итоговой модификации.

В контексте (24) модифицированная именная группа идиомы метафорически переосмысливается. “Хрестоматийный глянец”, т.е. шаблоны и клише, оказывается в роли янтаря, в котором застывают люди, идеи и явления. Как значительная часть контекстов, содержащих прилагательное *хрестоматийный*, данный пример взят из источника, связанного с жизнью и творчеством Маяковского (помимо прочего, в книге даются сведения о поэте и чете Брик). В примерах (23) и (24) собственно идиомой можно считать именную группу, что позволяет включить эти модификации в число узуальных (вернее, узуализованных).

Все эти примеры позволяют, с одной стороны, сказать о том, что окказиональная модификация идиомы *наводит глянец* стала вполне узуальной, но, с другой стороны, позволяют согласиться с Н.С. Ашукиным и М.Г. Ашукиной, относящими “*хрестоматийный глянец*” к крылатым словам, поясняя, что «выражением этим характеризуют “лакировку” действительности, ее прикрашенное изображение» [27, с. 433].

Какие-либо иные прилагательные были употреблены в трех контекстах.

(25) И то, и другое – результат свойственной политическому неофиту неуклюжести, а также неумения “*наводит демократический глянец*”, чему после октября 1993-го неплохо обучились российские либеральные модернизаторы. Режим Лукашенко не менее, но и не более демократичен, чем правление Ельцина. Как бы то ни было, но сегодня в пестрой толпе постсоветских политиков Лукашенко совершенно уникален [Независимая; КорпусПубл].

(26) Общая газета № 33 21.08.97 Лейся “Пепси” на просторе: Не успев *навести окончательный глянец* на свою эротическую комедию “Маузер и плоть”, Дмитрий Месхиев приступил к съемкам нового фильма “Американка”. Картина снимается в старом русском городе Пскове, но действие ее происходит в Америке 70-х. История борьбы двух враждующих преступных кланов щедро рас-

цвечена песнями популярной питерской группы “Пепси” [Общая газета; КорпусПубл].

(27) Там установили гигантскую сварную раму. Чуть выше мерцали тяжёлые блоки с цепями. Я убирал мусор. Мои учителя *наводили последний глянец*. Цыпин прорабатывал кружевное жабо и шнурки на ботинках. Лихачев шлифовал завитки парика. В канун открытия станции мы ночевали под землей [Сергей Довлатов. Чемодан (1986)].

Пример (25) содержит окказиональную адвербиальную модификацию. Прилагательное совместимо только с актуальным значением идиомы – “представлять в наиболее выгодном с точки зрения демократии свете” – и противоречит дословному значению. Модификация контекстно-зависима, т.е. в данном контексте воспринимается органично. Кавычки указывают на то, что автор, по-видимому, понимает “несерьезный” характер модификации.

Контекст (26) содержит узуальную адвербиальную модификацию с рядом особенностей. Прилагательное совместимо с дословным значением. Видимо, актуальным значением здесь является не ‘представлять в лучшем свете’ (кодифицированное), а ‘приводить в порядок, приводить в должный вид’. Его можно рассматривать как один из вариантов в кластере значений, объединенных общими признаками (см. [28]). Данное и кодифицированное значения взаимосвязаны и соотносятся с дословным значением идиомы: описание процедуры шлифовки или полировки изделия, в ходе которой оно приобретает глянец. (По поводу формирования актуального значения идиом см., например [6, с. 92–103; 15]).

На первый взгляд, контекст (27) также содержит узуальную адвербиальную модификацию. Одновременно *наводить последний глянец* можно осмыслить как свободное сочетание (описание процесса шлифовки бронзового барельефа, в ходе которого тот приобретает глянец). Возможно, автор хотел добиться этим определенного игрового эффекта, сходного с двойной актуализацией.

Итак, в ходе анализа лексико-синтаксических модификаций идиом *поставить крест* и *наводить/навести глянец* в корпусах текстов были отмечены следующие явления:

1) помимо явно узуальных (*наводить окончательный глянец*) и явно окказиональных (*поставить большой православный крест*, *наводить “демократический” глянец*) лексико-синтаксических модификаций обнаружены модификации, которые не удовлетворяют условиям семантической членности и семантического согласования,

но давно вошли в речевой узус (*поставить жирный крест*);

2) в ряде модификаций – как узуальных, так и окказиональных – актуальное значение (*наводить последний глянец*, *наводить окончательный глянец*) или образ в основе идиомы (*поставить большой православный крест*) не совпадают с кодифицированным значением (см. [28, с. 83]);

3) сочетание нескольких прилагательных, из которых одно образует узуализованную (окказиональную, но вошедшую в узус) модификацию, а остальные – окказиональные, в совокупности воспринимается как окказиональная модификация (ср. *поставить жирный рабоче-крестьянский крест*, *поставить политический жирный Андреевский крест*, *поставить окончательный жирный крест*);

4) если в состав идиомы введено несколько прилагательных, и одно образует узуализованную модификацию, а остальные не нарушают языковой узус, то сочетание прилагательных в совокупности воспринимается скорее как узуальная модификация (ср. *поставить большой жирный крест*).

Узуализованная модификация может восприниматься как цитата или крылатое слово (так, вариант *наводить хрестоматийный глянец* включен в словарь “Крылатые слова”). В основе образования узуализованных вариантов идиом лежит один механизм: нестандартное, запоминающееся употребление идиомы, которое начинает распространяться среди носителей языка – в том числе благодаря публицистике и художественной литературе – и становится все более узуальным. То, что первоначально узуализованные варианты идиом являются отклонением от стандарта, становится заметно в контекстах, где они соседствуют с модификациями чисто окказиональными (контекстно-зависимыми или игровыми).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Диброва Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета, 1979.
2. Жуков В.П. Об устойчивости и вариантности фразеологизмов на семантическом уровне // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума (1968). Тула, 1972.
3. Зимин В.И. К вопросу о вариантности фразеологических единиц // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума (1968). Тула, 1972.

4. *Краморенко Г.И.* Фразеологические варианты в идиоматике современного немецкого языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 1962.
5. *Телия В.Н.* Вариантность идиом и принципы идентификации вариантов // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума (1968). Тула, 1972.
6. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа "Языки русской культуры", 1996.
7. *Добровольский Д.О.* Зависит ли синтаксическое поведение идиом от их семантики? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции "Диалог" 2005" (Звенигород, 1–6 июня 2005 г.) / Под ред. И.М. Кобозевой, А.С. Нариньяни, В.П. Сеlegeя // <http://www.dialog-21.ru/Archive/2005/Dobrovolski%20D/DobrovolskijD.pdf>.
8. *Möhring J.* Passivfähigkeit verbaler Phraseologismen // *Korhonen J.* (Hrsg.), Studien zu Phraseologie des Deutschen und des Finnischen II. Bochum, 1996.
9. *Abeillé A.* The flexibility of French idioms: A representation with Lexicalized Tree Adjoining Grammar // *Everaert M., Linden E.-J. van der, Schenk A., Schreuder R.* (eds.). Idioms: Structural and psychological perspectives. Hillsdale (NJ), 1995.
10. *Nunberg G., Sag I.A., Wasow T.* Idioms. Language 70, 1994.
11. *Баранов А.Н., Юшманова С.И.* Отрицание в идиомах: семантико-синтаксические ограничения // Вопросы языкознания. 2000. № 1.
12. *Добровольский Д.О.* Лексико-синтаксическое варьирование во фразеологии: ввод определения в структуру идиомы // Русский язык в научном освещении. № 2 (14). 2007.
13. *Добровольский Д.О.* Модификация структуры идиомы в аспекте понимания // Понимание в коммуникации. 2007. Язык. Человек. Концепция. Текст. Тезисы докладов Международной научной конференции (28 февраля – 1 марта 2007, Москва). М., 2007.
14. *Добровольский Д.О.* Семантическая членимость как фактор вариативности идиомы // Язык как материя смысла. Сборник в честь Н.Ю. Шведовой / Отв. ред. М.В. Ляпон: Азбуковник, 2007.
15. *Dobrovolskij D.* Cognitive approaches to idiom analysis // *Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung=Phraseology: an international handbook on contemporary research* / Ed. by H. Burger, D. Dobrovolskij, P. Kühn, N.R. Norrick. 2. Halbband/Volume 2. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2007.
16. *Langlotz A.* Idiomatic creativity. A cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2006.
17. *Nicolas T.* Internal modification of English V-NP Idioms Semantics of Idiom Modification // *Everaert M., van der Linden E.-J., Schenk A., Schreuder R.* (eds.) Proceedings of IDIOMS. Tilburg: ITK, 1999.
18. *Nicolas T.* Semantics of Idiom Modification // *Idioms: Structural and Psychological Perspectives* / *Everaert M., van der Linden, E.-J., Schenk A., and Schreuder R.* (eds.). Hillsdale (NJ): Lawrence Erlbaum Associates, 1995.
19. *Schenk A.Y.* Idioms and collocations in compositional grammars. Utrecht: OTS, 1994.
20. *Болдырева Л.М.* Стилистические особенности функционирования фразеологизмов (на материале современной художественной немецкой литературы и прессы ГДР). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967.
21. *Ernst T.* Grist for the linguistic mill: Idioms and "extra" adjectives // *Journal of Linguistic Research*. 1.
22. *Burger H., Buhofer A., Sialm A.* Handbuch der Phraseologie. Berlin/New York, 1982.
23. *Stathi K.* Corpus Linguistics meets Cognitive Linguistics: A framework for the analysis of idioms Cognitive-linguistic approaches // http://www1.uni-hamburg.de/metaphern/GCLA06_Theme/Stathi_GCLA06.pdf.
24. *Анресян Ю.Д.* Лексическая семантика (синонимические средства языка) // Избранные труды. Том I. М.: Школа "Языки русской культуры": Издательская фирма "Восточная литература" РАН, 1995.
25. *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Введение // Фразеологизмы в русской речи: словарь: ок. 1000 единиц. Изд. 2, стер. М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2005.
26. *Федоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: АСТ, Астрель, 2001.
27. *Ашукин Н.С., Ашукина М.Г.* Крылатые слова: Литературные цитаты, образные выражения. М.: Современник, 1996.
28. *Stathi K.* Korpusbasierte Analyse der Semantik von Idiomen // *Linguistik online*, 27.02.2006 // http://www.linguistik-online.de/27_06/stathi.pdf.